

ФОЙЕРХЕЛЬМ ВОЛЬФГАНГ

доктор юридических наук, профессор, старший преподаватель социального и уголовного права
Католического университета прикладных наук города Майнца (Германия),
заместитель декана факультета социальной работы, глава правления организации
*Deutschen Gesellschaft für Prävention und Intervention bei Kindesmisshandlung
und — vernachlässigung e. V. (DGfPI),*
wolfgang.feuerhelm@kh-mz.de

WOLFGANG FEUERHELM

*Prof. Dr. jur., Senior Lecturer in Social and Penal Law, Pro-Dekan of the Faculty of Social Work,
Mainz Catholic University of Applied Sciences,
Head of the Board of the Deutschen Gesellschaft für Prävention und Intervention
bei Kindesmisshandlung und — vernachlässigung e. V. (DGfPI)*

УДК 364.043

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РАЗРАБОТКИ
В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ РЕБЕНКА***

CURRENT LEGAL DEVELOPMENTS IN CHILD PROTECTION

АННОТАЦИЯ. В контексте реформы правовых норм автор осмысляет ключевые вопросы современной дискуссии о социальной защите детей в Германии. Особое внимание уделено таким явлениям, как безнадзорность и сексуальное насилие, поскольку общественные и профессионально-политические дискуссии начались с обсуждения сенсационных случаев. Отмечается, что впервые предлагаемые меры направлены на профилактику безнадзорности. На основе анализа случаев жестокого обращения с детьми в некоторых учреждениях и деятельности «Круглого стола Федерального правительства» были предложены реформы и внесены коррективы в Федеральный закон о социальной защите ребенка (Bundeskinderschutzgesetz). Эти изменения имеют большое значение для социальной работы, особенно в отношении ее профессионализации. В заключение приведены выводы и дана оценка происходящим событиям.

ABSTRACT. The author analyzes key issues of the current discussion on the social protection of children in Germany in the context of the legal reforms. Due to the fact that public and professional policy debate began with a discussion of the sensational cases special attention is paid to phenomena such as neglect and sexual abuse. It is noted that for the first time the proposed measures are aimed at the prevention of child neglect. Based on the analysis of cases of child abuse in some institutions and the activities of the «Round Table of the Federal Government», reforms were proposed and amendments were made to the Federal Law on the Social Protection of the Child (Bundeskinderschutzgesetz). These changes are of great importance for social work, especially with regard to its professionalization. In conclusion, the findings and assessment of the events taking place were presented.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: защита детей, сексуальное насилие над детьми, раннее вмешательство, Федеральный закон о защите детей Германии, развитие профессиональной помощи в Германии.

KEYWORDS: child protection, child sexual abuse, early intervention, German federal child protection act, development of professional help in Germany.

Введение

Отдельные сенсационные случаи заставили средства массовой информации и политиков обратить внимание на проблему детской безнадзорности и сексуальных преступлений против несовершеннолетних.

В Германии детская безнадзорность, как правило, рассматривается в трех аспектах. Наряду с сексуальным насилием, физическое насилие

и безнадзорность — явления разного рода и требуют различных подходов, диагностики и вмешательства. Дифференциация состоит в следующем. Это прежде всего вид травм. Например, при заметных признаках физического насилия необходимо в первую очередь оказание помощи. Угрозы благополучию ребенка также проявляются по-разному (существуют специальные определения), и от конкретной ситуации зависит форма вмешательства.

* Пер. с англ. С. В. Конанчук.

В случае безнадзорности первоначально может потребоваться медицинская помощь, в то время как при подозрении в сексуальных домогательствах нужно участие управления по социальной защите молодежи.

Охрана детства: линии развития

Современные дебаты относительно социальной защиты детей и угрозы их благополучию возвращают нас к тем социальным изменениям, которые произошли в конце XIX — начале XX века и стали очевидны за счет значительных достижений в области образования и психологии развития ребенка, и особенно на законодательном уровне, благодаря Закону о социальной защите молодежи, принятому в 1922 году. Этот закон, 100-летие которого приближается, сыграл решающую роль в разработке подходов к охране детства. Его главный элемент, считающийся в настоящее время и достоинством, и недостатком, — это кодификация муниципальных и потому децентрализованных управлений по социальной защите молодежи. Их основная задача — «благополучие молодежи», выражаясь современным языком, выполнение обязательных требований воспитания с целью «продвижения» детей и подростков.

Инструменты семейного права, судов попечительства и судов по семейным делам также достаточно разработаны. Правовые нормы позволяют судам по семейным делам привести, так сказать, последний довод в пользу решения о прекращении родительской власти. Обсуждения этих полномочий (параграф 1666 ffBGB) проходили в течение длительного времени [7] и привели к недавним изменениям в законодательстве [10].

Три аспекта новейшей истории имеют особое значение для развития социальной защиты ребенка:

1. Последствия опыта национал-социализма. Предполагается, что предотвратить подобный опыт государство может путем ценностно-ориентированного воспитания детей. Основной немецкий закон именно поэтому действует в поддержку укрепления семьи. Свидетельством является ст. 6 раздела 2 GG. Возможности вмешательства государства ограничены, и это создало поле для обсуждения решений, особенно в области образования ребенка.

2. Управление по делам молодежи отказывается от вмешательства в философию государственных служб по отношению к своим гражданам. Это нашло отражение в реформе Закона о социальной защите ребенка и молодежи (KJHG) от 1990 года, контролирующего развитие прав молодежи на социальную поддержку и по сей день.

3. Научные и политические дебаты начались примерно в 2002 году в результате роста внимания СМИ к проблемам безнадзорности и сексуального насилия над детьми, что привело недавно к заключению о необходимости принятия предварительного Закона о социальной защите детей (см. ниже).

Современная организационная структура

1. Участники.

В настоящее время имеются многочисленные активные участники процесса социальной защиты

детей. Наряду с организациями, ориентированными на социальную защиту молодежи (общественные и добровольческие), органы здравоохранения, судебная власть и полиция также вовлечены в эту сферу. В дополнение к детским садам особенно важны консультационные услуги специалистов по работе с детьми и подростками, подвергавшимися сексуальному насилию или плохому обращению.

С точки зрения органов государственной власти, баланс сил практически не изменился за последние годы. При этом роль полиции возросла до такой степени, что она призвана, в частности, рассматривать случаи безнадзорности для того, чтобы осуществить вмешательство (например, принимая ребенка на попечение) ведомств по делам молодежи, если законный опекун отказывается сотрудничать. Содействие между участниками поддержки необходимо при выполнении соответствующих задач оказания помощи ребенку или молодому человеку или предотвращения угрозы благополучию. Структура такого взаимодействия весьма разнообразна. Обязанности сторон выросли в связи с правовыми нормами, прежде всего в результате принятия Федерального закона о социальной защите детей (см. ниже). При этом сотрудничество разных служб частично осуществляется в соответствии с местными соглашениями, например между управлением по социальной защите молодежи, органами здравоохранения и полицией.

Современная организационная структура управления по социальной защите несовершеннолетних и полна противоречий. Так, финансовое положение специалиста по консультационным услугам нередко зависит от распределения денежных штрафов, а он может оказаться человеком нечестным... Между тем в настоящее время деятельность этих специалистов востребована более чем когда-либо, в связи с текущими событиями (из-за увеличения числа сексуальных домогательств).

2. Профилактика безнадзорности: раннее вмешательство и государственные законы по социальной защите ребенка.

В 2007 году СМИ обсуждали случаи, когда маленькие дети погибли из-за безнадзорности. Политические деятели отреагировали на эти события на разных уровнях, а в прессе появилось большое количество публикаций, содержащих экспертные оценки (например, статьи в *Ziegenhain/Fegert* 2008).

Основное внимание политиков и законодательных органов в отношении случаев безнадзорности было сосредоточено на возможности обеспечить профилактику через педиатрические осмотры. Отдельные федеральные регионы пытались через свое местное законодательство закрепить за педиатрическими осмотрами (называемые в Германии «U-экспертиза») роль инструмента профилактики безнадзорности. На основе Генерального соглашения педиатрические экспертизы были стандартизированы как обязательные.

Законы отдельных федеральных округов по социальной защите ребенка стали появляться начиная с 2007 года (первый закон был принят в Сааре 7 февраля 2007 года), а заключительная

часть законодательства вступила в силу в Нижней Саксонии 1 апреля 2010 года.

Сравнение законодательства по социальной защите ребенка показывает, что регионы по-разному формулируют свои законы с точки зрения сфер компетенций и оказания необходимых услуг, обязательств по участию в социальной защите и поддержке ребенка и спроса на раннее обнаружение проблем, а также в отношении укрепления сотрудничества, повышения квалификации и дальнейшего обучения специалистов. О профилактике и ранней диагностике проблем безнадзорности говорится в большинстве этих законов.

Скажем, оправданы ли применяемые в Гессене подходы? Они заключаются в том, что отчеты педиатров сопоставляются с информацией детских центров здравоохранения, данные сравниваются — и родители получают уведомление о состоянии здоровья ребенка. Эффективность государственного регулирования угрозы детской безнадзорности в регионе Рейнланд-Пфальце также под сомнением. Впрочем, предварительные оценки применяемых инструкций показали обнадеживающие результаты [5].

В Гессене невыявленные риски были обнаружены в очень немногих случаях. В регионе Рейнланд-Пфальц государственный закон был принят в 2008 году, он послужил основой для определения направления деятельности центрального офиса, относящегося к управлению по делам молодежи, социальной защите и социальному обслуживанию молодежи, включая информирование опекунов о любых планируемых ранних экспертизах обнаружения угрозы благополучию детей. Анализ данных отчетов педиатров показывает объем проведенных экспертиз. В отличие от системы, используемой в Гессене, эти сведения передаются органам здравоохранения, которые впоследствии сообщают информацию управлениям по социальной защите молодежи, ответственным при необходимости за дальнейшие действия.

Обращает на себя внимание тот факт, что в регионе Рейнланд-Пфальца является обязательной оценка экспертизы (§ 11 LKindSchuG RP). Региональное правительство обязано сообщать Ландтагу об осуществлении закона. Первоначальные результаты 2009 года¹ действительно подтвердили эффективность активного использования ранних экспертиз для обнаружения проблем, хотя отмечались также и существенные недочеты. Были вопросы к датам экспертиз, или экспертиза была проведена за пределами земли Рейнланд-Пфальц. Как и в Гессене, пригодность подобного подхода требует критического обсуждения.

3. Закон по защите прав жертв сексуального насилия.

Весной 2010 года по инициативе Федерального правительства начал свою работу «Круглый стол по проблеме сексуальных преступлений против

несовершеннолетних в государственных и частных организациях и семейной сфере». Был сформулирован ряд предложений, в частности в области обучения и развития, профилактики и исследований². В области уголовного права были приняты рекомендации относительно участия правоохранительных органов³. Также был разработан закон по защите прав жертв сексуального насилия (*StORMG*), он вступил в силу 30 июня 2013 года⁴.

Цели этого закона — расширить права пострадавших и избежать при этом многократных утомительных обследований жертв насилия, предотвратить утечку информации в прессу и предоставить более широкие возможности для назначения адвоката потерпевшим. Главным в этом законе является переопределение исковой давности. На сегодняшний день не существует удовлетворительного урегулирования в отношении расходов на юридические консультации до проведения предварительного разбирательства (§ 406f StPO допускает юридическое представительство, однако необходимо покрытие расходов, связанных с этим). Поэтому представляется актуальным дальнейшее развитие деятельности специализированных консультационных служб. Специалист по консультационным услугам предлагает консультации и поддержку и в тех случаях, когда роль судебной системы выполнена. Становится понятно, насколько важно структурно и финансово обеспечить статус специализированных консультационных услуг.

4. Федеральный закон о защите ребенка.

Одним из важных итогов деятельности «Круглого стола» было принятие Федерального закона о социальной защите ребенка (*BKiSchG*) [9]. Закон по укреплению социальной защиты детей и подростков (Федеральный закон о защите ребенка) вступил в силу 1 января 2012 года (*BGBl № 70, part 1, p. 2975*). Он содержит целый ряд положений, которые в определенных случаях значительно изменяют существующую правовую ситуацию. Федеральный закон о социальной защите ребенка касается следующих моментов:

1. Ранее вмешательство и локальные сети.
2. Мандат защиты и консультативная обязанность управлений по социальной защите молодежи.
3. Расширенное свидетельство о поведении.
4. Улучшение качества услуг.
5. Укрепление прав ребенка.
6. Статистика, оценка.

Исходя из этих положений не представляется возможным оценить все условия в их полноте. Несколько вопросов просто исследовано на основе стандартных примеров [9].

В дополнение к другим условиям *BKiSchG* расширил консультативные обязанности. Местные и региональные общественные организации

² См. <http://www.rundertisch-kindessmissbrauch.de> (01.05.2014).

³ См. <http://www.rundertisch-kindessmissbrauch.de/documents/Anlage04LeitlinienzurEinschaltungderStrafverfolgungsbehorden.pdf> (01.05.2014).

⁴ BGBl 2013 I, S. 1805 (no. 32).

¹ См. http://www.dijuf.de/tl_files/downloads/2011/DIJuF_Uniklinik_Ulm_Evaluation_LKindSchuG_RP_Jan_2011.pdf (01.05.2014).

по социальной защите молодежи должны обеспечивать консультации по проблемам сексуального домогательства, с указанием возможностей предотвращения этой угрозы. Как и в случае с § 8a SGB VIII, интересно посмотреть, каким образом эта задача будет выполняться управлениями по социальной защите молодежи. Если быть оптимистами, то эти рекомендации могут способствовать улучшению положения подрастающего поколения, естественно, при грамотном подходе. Безусловно, это потребует финансовых затрат (по предварительным оценкам есть потребность в 1200 должностях в масштабах страны) [9], но также свидетельствует и о значимости данной темы для общества.

Согласно BKiSchG предполагается также расширение мандата защиты молодежи. В частности, § 8a SGB VIII, введенный посредством KICK 2005 года, был откорректирован с этой целью. В пункте 2 акта теперь говорится: «§ 8a раздел 1 S. 2 SGB VIII: Поскольку эффективная защита этого ребенка или молодого человека не рассматривалась, управление по социальной защите обязано привлечь опекуна и ребенка или молодого человека к анализу угрозы и, раз это необходимо для профессиональной оценки, получить прямую информацию от ребенка, а также от его личного окружения».

Две поправки примечательны и также требуют критического рассмотрения. С одной стороны, домашнее посещение с целью анализа угрозы благополучию ребенка было включено в закон, несмотря на критические мнения по этому поводу [9, р. 30], с другой стороны, изменение требований к профессиональной оценке вопроса имело очень сильный резонанс. При обсуждении поправки к параграфу 8a SGB VIII управление по социальной защите никогда не исключало возможности использования домашнего посещения в качестве средства анализа угрозы, но сопротивлялось принятию этого как обязательного инструмента.

Привел ли закон о защите детей на самом деле к укреплению прав ребенка и приведет ли изменение к переориентации консультационной практики — это должно быть оценено на основе различных критериев. Значительная свобода действий, наличие определенных «требований» и существование «чрезвычайных и конфликтных ситуаций» указывают на необходимость продолжения профессиональной дискуссии о качестве консультаций в области социальной защиты ребенка.

Федеральный закон о защите ребенка (BKiSchuG) четко изложил профессионалам с обязательством конфиденциальности, что защита данных не может быть приведена в качестве причины отказа предоставить управлению по социальной защите молодежи информацию в случае подозрения в угрозе безопасности ребенка. Персонал детских садов как специалисты по дошкольной педагогике не принадлежит к этой группе они не упоминаются в § 203 StGB, если они не прошли обучение как сертифицируемый социальный работник или специалист по социальному образованию. Это обязательное условие, которое определяет дальнейшие действия при рассмотрении различных

государственных законов о социальной защите ребенка.

Только закон о социальной защите ребенка, принятый в Берлине (§ 11 раздел 2 и 3 берлинского закона, регулирующего защиту и благополучие ребенка, от 17 декабря 2009 года (GVBl)⁵), предусматривает, что нуждающиеся в поддержке люди имеют право сообщить управлениям по социальной защите молодежи информацию относительно детской угрозы. Пока чрезвычайная ситуация (§ 34 StGB) является основанием для передачи этих данных в другие федерации⁶. В детских садах, например, разъяснение в соответствии с законом, который был принят в Берлине, может полностью реабилитировать специалиста в этой сфере.

Подходы и методы действий

В настоящее время разработка подходов и методологии в области социальной защиты ребенка и детского образования находится на этапе «младенчества», если можно так сказать. От создания системы или даже всесторонних теорий до широкого внедрения — долгий путь. Постепенно выявляются недостатки, и это неудивительно, учитывая то, что политики и юристы склонны находиться под впечатлением от событий, которые обсуждаются в СМИ, а не опираться на факты.

Однако в настоящее время все-таки осуществляется попытка, пусть и грубая, классифицировать практические подходы. Здесь можно выделить три направления:

1. Можно рассматривать консультацию, наблюдение и терапевтические подходы или кризисные вмешательства как классические подходы [14; 4]. Дискуссии здесь, как правило, сосредоточены на конкретных аспектах, например, это вопрос о предварительных условиях вмешательства в случае угрозы безопасности ребенка или молодого человека, требования, предъявляемые к документации в отношении отдельных шагов и действий, а также децентрализация и ответственность [12; 1].

2. Вторая важная область — обучение и развитие персонала. В отличие от пункта 1, здесь другая ситуация. Значение дальнейшего обучения возрастает и будет возрастать из-за изменений в Федеральном законе о защите ребенка, а единая линия или какой-то «ведущий» подход относительно обучения пока не найдены.

Возрастающая важность учебного сектора также следствие неуверенности специалистов детских садов, в особенности в отношении жестокого обращения с детьми. Эта ситуация связана с тем, что педагоги и специалисты часто задаются вопросом:

5 URL: http://www.berlin.de/imperia/md/content/senatsverwaltungen/justiz/gesetz-undverordnungsblatt2009/heft_33_vom_30_12_2009_seite_845__896.pdf?start&ts=1272458169&file=heft_33_vom_30_12_2009_seite_845__896.pdf (01.05.2014).

6 Здесь нельзя не упомянуть Закон о защите данных Евангелической церкви (DSGEKD) от 1 января 2013 года (ABl.EKD).

могут ли поведенческие проблемы ребенка быть приписаны плохому обращению?

3. Краткое изложение конкретных мер и подходов включает в себя перечисление мероприятий, которые реализуются в соответствии с законодательством, например предоставление разъяснений или соглашения решений при заключении под стражу в случае конфликтов с родителями.

Дальнейшее развитие в области подходов и методологии трудно предвидеть, в особенности из-за роли участников, а также влияния педагогических теорий. Социальное значение охраны детства, как ожидается, будет приобретать все большую важность в контексте демографических изменений. В то же время финансовое положение муниципалитетов и пристальное внимание СМИ также могут определять направление формирования подходов.

«Промежуточный баланс» в области социальной работы и угрозы безопасности ребенка

1. Ситуация с работой.

В настоящее время работа в области «угрозы детства» занимает немалую долю рынка труда. Можно засвидетельствовать увеличение количества таких случаев, поэтому отмечается и рост числа вакансий. Востребованность также связана и с возрастанием значения дошкольного образования. Независимо от того, точны ли будут оценки экспертов, которые предсказывают появление 1200 новых рабочих мест в управлениях по делам молодежи, — увеличение этих потребностей очевидно уже сегодня. В частности, речь идет о государственных органах, особенно учитывая консультационные формы работы, применяемые согласно Федеральному закону о социальной защите ребенка, а также управлениях по социальной защите молодежи с их в какой-то мере новыми задачами координации и организации.

Если говорить о добровольческих организациях по социальной защите, в первую очередь о специализированных консультационных центрах по оказанию помощи жертвам сексуального насилия, то ситуация здесь несколько иная. По мнению автора, отсутствие структуры, прежде всего финансовой безопасности — это не просто недостаток определенной политики, в настоящее время это стало главной проблемой. Ранее, когда «Круглый стол» начал свою работу, его участники призвали к изменению ситуации, которая долгое время была очевидной и невыносимой. То, что работа специалистов в консультационных центрах зависит от распределения будущих финансовых штрафов, противоречит всей политике и высокой оценке значимости социальной защиты ребенка.

2. Профессионализм и обучение.

Академизация против волонтеризма. В области подготовки специалистов заметны две встречные тенденции: с одной стороны, происходит академизация профессиональных областей (в социальной работе с 1970-х, например, или в настоящее время в детском образовании), с другой стороны, влиятельные эксперты пытаются выделить определенные виды деятельности как менее квалифицированные или как альтернативу

квалифицированным, — по их мнению, эти виды деятельности могут осуществлять отдельные физические лица.

Следующий аспект всем известен и на первый взгляд не стоит упоминания. Речь идет о привлечении волонтеров, например, организациями по поддержке жертв насилия, такими, как «Белое кольцо» (Weißer Ring). С позиции социальной политики это кажется желательным (гражданская обязанность), однако здесь возникает вопрос о профессионализме. Хотя, конечно, с практической точки зрения преимущества добровольной помощи очевидны: это просто дешево. Таким образом, возможности привлечения родителей и других волонтеров для различной работы, например, в детских садах необходимо также критически исследовать.

Проблемы, отмеченные выше, могли бы быть в большинстве своем аннулированы, если бы можно было четко разграничить деятельность профессионала/специалиста и добровольную помощь, используя соответствующую терминологию. Однако это, по-видимому, невозможно. Допустимо, например, чтобы в проведении развлекательных мероприятий, таких, как пикники, организованные детскими садами, оказывали поддержку волонтеры. Значительные проблемы возникают с определением роли волонтеров, когда они предоставляют независимую консультацию, скажем, это поддержка жертв, обеспеченная организацией «Белое кольцо» (Weißer Ring). Не только в образовании ребенка, но также и в других областях социальной работы необходимые разграничения отсутствуют.

Дальнейшее обучение и развитие. Уровень образования специалистов, работающих в области обеспечения безопасности и благополучия ребенка, недостаточен в настоящий момент. Сегодня очевидно, что в подготовке и обучении специалистов по социальной работе не может быть завершающей точки. Изменение ситуации, вероятно, потребует длительного времени. Причина не в том, что данная тема не очень актуальна, что в какой-то степени зависит от внимания СМИ и общественных обсуждений, а скорее всего в структуре нашего образования. Унификация проблем социальной защиты детей — в форме конкретных учебных инструкций — подразумевает не только то, что Федерации должны принять повсеместно одинаковый закон. В университетском секторе требуется, чтобы все университеты признали большое значение этой темы и отразили это в своих курсах. Сама по себе академическая ответственность университетов мешает федеральному правительству вносить директивы. Поэтому, безусловно, нужно предпринять усилия на различных уровнях.

На рынке дополнительного обучения значительно выросло число предлагаемых курсов после того, как KICK вошел в силу. Многочисленные курсы ориентированы на § 8a SGB VIII, который направлен на «улучшение прогноза» в области детской угрозы. Однако этот рынок обучения не скоординирован. На основании постановлений Федерального закона о социальной защите ребенка дальнейшие позитивные изменения должны произойти в секторе обучения и развития. Задачей государственных управлений по социальной защите

молодежи на нынешнем этапе является гарантия «прозрачности», а также реальная оценка диапазона предлагаемых курсов.

Выводы и итоговое мнение

Очевидно, что три зоны, выявленные в результате изучения «угрозы детства», в настоящее время испытывают по отношению к себе внимание различного уровня. Сексуальное насилие занимает здесь особое положение, возможно, потому, что общественность классифицирует эти действия как особо тяжкие. Возможно, также имеет значение и то, что сексуальное насилие затрагивает жизнь человека в большей степени, чем физическое. События, которые привели к «Круглому столу», могут быть приведены здесь в качестве примера. Если жертвы, лишь достигнув преклонного возраста, сообщают в церковных учреждениях о половых преступлениях, которые произошли в их юности, то это показывает, насколько глубокая травма была получена и какие серьезные последствия она имела.

Начиная с 2008 года общественность все больше и больше озабочена проблемой детской безнадзорности. В настоящее время пока не ясно, приведет ли принятие государственных законов о социальной защите ребенка и введение подходов раннего вмешательства к стабильным положительным результатам.

Напротив, дискуссии по поводу физического насилия менее распространены. Это вполне можно объяснить быстрым и широким принятием запрета на применение силы в воспитании ребенка на основании § 1631 раздела 2 BGB — закона, вступившего в действие в 2000 году. Буссманн неоднократно указывает на последовательное снижение случаев физического наказания в семье начиная с данного времени [2]. Понимание того, что телесные наказания недопустимы, возможно, развивалось и в учреждениях именно с этих пор. Например, сейчас учитель вряд ли может ударить ученика, физические наказания также в основном исчезли из детских садов.

Однако это не означает, что плохое обращение с детьми больше не составляет проблему. В различных сферах, в особенности в школах, есть ситуации психологического насилия, которое глубоко затрагивает жертвы, подобные случаи обсуждаются общественностью и экспертами. Самое серьезное психологическое насилие в школьной среде рассматривают в терминах «нападающие толпой» [13]. Серьезный анализ проблем психологического

насилия и злоупотребления властью учителями находится в настоящее время лишь на очень ранней стадии развития [11].

Есть потребность в разъяснении на уровне феноменологии. Где психологическое насилие начинается? Возможно, с умаления достоинств ученика, с воздействия на него? И где критика недостатков ученика должна закончиться? Специалисты, а также политики призваны заняться этой проблемой, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки.

Сфера охраны детства сейчас находится в состоянии изменений. Это также очевидно и по влиянию на другие сферы: детского образования и социальной работы. Детские сады, безусловно, не входили в число тех учреждений, которые непосредственно обсуждались при рассмотрении проблемы детской угрозы. Однако они действительно играют важную роль, и она пока недооценена. Речь не только о вопросах дошкольного образования, педагогика детства «открывает двери» в будущую жизнь. Детские образовательные учреждения также осуществляют защиту ребенка от рисков сексуальной агрессии в период развития и становления его личности.

Сигналом о важности социальной защиты ребенка стало введение должности независимого комиссара по проблемам сексуальных преступлений против несовершеннолетних (*UBSKM*). Это положение было установлено в 2010 году и продлевалось еще на 5 лет в 2014 году. Независимый комиссар осуществляет постоянный мониторинг проблемы: он не только дает реальную оценку случаям сексуального насилия в учреждениях, но также отвечает за информацию, которая выносится на рассмотрение общественности, а также указывает на психологические и физические травмы, нанесенные ребенку. В целом, это доказывает, что такие значимые темы, как социальная защита ребенка, не должны исчезать из поля зрения общественности.

Внимание политиков сейчас сосредоточено на беженцах, и остается только надеяться, что это не приведет к негативным последствиям в сфере социальной защиты детей. Если подводить итоги, то можно отметить, что существуют взаимосвязанные проблемы, которые практически не рассматривались, а о том, какие дискуссии необходимы, в лучшем случае только упоминалось. Ребенок и угроза его благополучию — это тема, которая должна находиться под постоянным наблюдением специалистов.

References

1. Alle F. *Kindeswohlgefährdung: Das Praxishandbuch*. Freiburg: Lambertus, 2012. 286 S. (In German).
2. Bussmann Kai-D. *Auswirkungen des Verbots von Gewalt in der familialen Erziehung in Deutschland*, 2010 (in German). URL <http://wcms.uzi.uni-halle.de/download.php?down=14706&elem=2282565> [18.04.2014].
3. Czerner F. Optimierung des staatlichen Schutzauftrages bei (vermuteter) Kindeswohlgefährdung durch Novellierungsgesetze vom KICK (01.10.2005) bis zum BKiSchG (01.01.2012), Part 1, in: *ZKJ*, 2012, pp. 246–251 (in German).
4. *German Youth Institute. Handbuch Kindeswohlgefährdung nach § 1666 BGB und Allgemeiner Sozialer Dienst (ASD)*. Kindler H., Lillig S., Blüml H., et al. (eds.). München Verlag, German Youth Institute, 2006. (In German).
5. Galluske M. *Methoden der Sozialen Arbeit*, 10th Ed. Weinheim: Beltz, Juventa, 2013. (In Germany).

6. Hesse association of rural districts. Hesse association of towns and cities. Hesse child protection act. Evaluation durch die Jugendämter. In: *Das Jugendamt*, 2010, pp. 115–117 (in German).
7. Meysen T. Familiengerichtliche Maßnahmen bei Gefährdung des Kindeswohls — geändertes Recht ab Sommer. In: *Das Jugendamt*, 2008, pp. 232–242 (in German).
8. Meysen T., Eschelbach D. *Das neue Bundeskinderschutzgesetz*. Baden-Baden: Nomos, 2012 (In German).
9. *Münchener Kommentar. Familienrecht II*. 6th Ed. Munich: Beck, 2012. (In German).
10. Prengel A. *Pädagogische Beziehungen zwischen Anerkennung, Verletzung und Ambivalenz*. Potsdam: Babara Budrich, 2013. (In German)
11. Schader H. *Risikoabschätzung bei Kindeswohlgefährdung: Ein systematisches Handbuch*. 2nd Ed. Beltz Juventa, 2013. (In German).
12. Schubarth W. *Psychische Gewalt an Schulen — Analysen und Handlungsansätze*, in *Berliner forum Gewaltprävention*, 2014 (BFG) (in German). URL [https://www.berlin.de/imperia/md/content/lb-lkbgg/bfg/nummer29/12_schubarth.pdf](https://www.berlin.de/imperia/md/content/lb-lkbgg/bfg/nummer29/12_schubarth.pdf?start&ts=1193649479&file=12_schubarth.pdf) [01.05.2014].
13. Spiegel H. von. *Methodisches Handeln in der Sozialen Arbeit*. 5th Ed. Stuttgart: UTB, 2013. (In German).
14. *Independent Commissioner for Child Sex Abuse Issues: Balance report 2013*. URL <http://beauftragter-missbrauch.de/course/view.php?id=28> [01.05.2014]
15. *Kindeswohlgefährdung und Vernachlässigung*. 2nd Ed. Ziegenhain U., Fegert J. (eds.). Munich, Basel: Reinhardt, 2008. (In German).